

Полет двуглавого орла

Два внешне противоположных процесса причудливо сочетаются в теперешней российской политике. С одной стороны, развитие нашей политической системы все время отдаляет нас от «западной модели». По всем основным параметрам (сильная и «безальтернативная» президентская власть, ее контроль над СМИ и над выборами и т. д.) мы все очевиднее оказываемся в одном «классе» не с европейскими странами, а с центральноазиатскими режимами. С другой стороны, мы энергично и интенсивно сближаемся во внешней политике с Западом. Как будто наш двуглавый орел не только смотрит в разные стороны, но и летит сразу в двух противоположных направлениях. Но насколько эти два направления противоречат друг другу, и долго ли может продолжаться такой полет?

Прежде всего обратим внимание на то, что наш поворот на Запад произошел именно тогда, когда наша политическая система стала совсем уже, зримо и очевидно, «не западной». И это - не случайно. В современной России прочного «западничества» ни в народном, ни в элитарном сознании быть не может. Отношение к Западу у нас естественно амбивалентно. Есть преклонение перед ним, стремление подражать ему и, в конечном счете, самим стать «как Запад». Но есть (и не может не быть) зависть, комплекс неполноценности, сожаление о великодержавном прошлом, страх потерять себя при неумолимом наступлении западной культуры и многое другое. И внешняя политика, отражающая такое сознание, не может быть безоговорочно прозападной, она и должна быть такой противоречивой, нервной и «обидчивой», какой она была, начиная с позднего Козырева и кончая 11 сентября. Вне зависимости от своих взглядов и настроений, все-таки не уверенный в прочности своей власти, боящийся выборов Ельцин не мог не учитывать общественного мнения и не мог вести последовательно прозападной политики. Такая возможность возникла только тогда, когда власть перестала бояться общества и почувствовала, что может не слишком прислушиваться к его мнению. Ничего «особенного» и специфически русского в этом нет, и схожие зависимости мы могли видеть многократно в самых разных странах. Любовь пакистанского народа к США - более чем сомнительна, и поэтому зависевшие от голосов избирателей Шариф и Бхутто последовательно прозападными быть не могли, а Мушараф может, и военный переворот в Пакистане был залогом успехов США в Афганистане. Не мог быть прозападным Альянде, но Пиночет был.

Таким образом, именно отнюдь не «западное», не демократическое направление нашего внутреннего развития создало условия для теперешнего «прозападного» внешнеполитического курса. Но с другой стороны, этот курс также может способствовать нашему недемократическому внутривластительскому развитию.

В западном выборе Путина, как и в западных выборах Алиева, Каримова, Мушарафа и множества других властителей, могут присутствовать самые разные мотивы. У властителей может быть и искренняя уверенность в правоте Запада и общечеловеческом характере его ценностей, сочетающаяся с убежденностью, что их народы - слишком отсталые, не готовые к настоящей демократии и пока они нуждаются в «управляемых демократиях» и в их, властителей, твердых руках. Может быть убежденность, что самое главное - получить экономическую и технологическую помощь Запада для развития страны, а там посмотрим. Могут быть и совершенно циничные расчеты на помощь Запада в подчинении своего народа и подавлении своих врагов и на счета в западных банках. (Обычно, очевидно, присутствует какая-то сложная комбинация разных мотивов). Но во все эти комбинации мотивов не может не входить расчет, что прозападная ориентация укрепит их, властителей, авторитарную власть, что строить «властные вертикали» проще

при благосклонности Запада, чем при его враждебности. Не может не присутствовать он и у Путина. И расчет этот - вполне трезвый.

Я совершенно не склонен представлять Запад циничным, прикрывающим словами о демократии и правах человека свои меркантильные или властные интересы.

Распространение демократических принципов в мире - его несомненная цель. Но всегда наряду с дальней, конечной целью есть и ближайшие. И в определенных пределах задачи сохранения и расширения демократии во всем мире вполне могут противоречить задачам построения демократии в данных конкретных странах. Запад боролся с СССР за торжество демократии в мире и, безусловно, хотел, чтобы везде, в том числе и в Чили, была демократия. Но демократия в Чили реально означала, во всяком случае в непосредственной перспективе, внедрение туда русских и кубинцев. Поэтому США помогли такую демократию задавить. Запад, конечно, хотел бы сейчас демократии в России, и в Пакистане, и в Узбекистане. Но только, если она не приведет к власти антизападные силы и сейчас не помешает борьбе с новым глобальным вызовом Западу, исламским экстремистским терроризмом. Если же такой гарантии нет, Запад всегда будет предпочитать прозападные авторитарные режимы реально или даже потенциально антизападным демократиям. Как он предпочел Пиночета Альенде. Как в 1993 году он предпочел победу Ельцина победе парламента, среди защитников которого были коммунисты и националисты. Как он затем помогал Ельцину превратить демократию, несущую угрозу победы коммунистов, в «управляемую» и явно предпочитал спокойную передачу власти от него наследнику перспективе реально альтернативных выборов, которые, несомненно, продвинули бы Россию к демократии, но могли бы привести к власти мало приятного для него Примакова. (Я, между прочим, с трудом представляю себе Примакова, который спокойно отнесся бы к американскому военному присутствию в Центральной Азии). А сейчас, когда речь идет о борьбе с «Аль-Каидой», тем более не до прав человека в России, или Узбекистане, или Пакистане. Лишь бы соблюдались какие-то приличия, лишь бы союзные режимы не становились совсем уж людоедскими. Подобные расчеты очень часто - неверные, часто приводят к печальным последствиям (например, поддержка шахского режима в Иране) и сопровождаются самообманом и обманом своей общественности. Но они совершенно не обязательно являются «циничным предательством идеалов демократии». Это - нормальный «компромисс с реальностью», нормальный политический расчет.

Вне зависимости от того, какие были мотивы у Путина, он, очевидно, нашел правильный для него внешнеполитический путь, по которому до него шли многие авторитарные государственные лидеры разных стран - безоговорочной поддержки Запада во внешнеполитических вопросах в ситуации, когда Западу эта поддержка нужна и когда он готов за нее платить, стоя на страже авторитарного режима. Этот путь может противоречить нашей общественной психологии, распространенным у нас антизападным чувствам, может быть, даже импульсам самого президента. Но выбор этот вполне рационален - в ближайшей перспективе от общественных настроений у нас зависит не так уж много, а от Запада, несомненно, больше.

Поэтому полет нашего орла сразу в двух противоположных направлениях может длиться достаточно долго. Орла начнет «разрывать» только тогда, когда или наша власть в своем «укреплении вертикали» перейдет некоторые достаточно широкие границы, за которыми для Запада поддержка даже нужного во внешнеполитическом отношении режима становится «неприличной», или когда внешнеполитическая ситуация настолько изменится, что российская поддержка или противодействие Западу уже не будут играть никакой существенной роли (как с исчезновением коммунистической угрозы в Западном полушарии утратили свою ценность латиноамериканские антикоммунистические диктаторы). Но и то и другое - достаточно отдаленные перспективы.